

РАССКАЗЫ

Было

Вчера, восьмого января, я водил после смены Марину в кино. Марина была в юбке. Кино оказалось не смешным. Были там теплотруба, буран и трое мужчин. Герои все облеплены были мокрым снегом, дрожали и стучали по себе по плечам и по ляжкам. Марина закинула было ногу на ногу. Но почесала колено и оставила как было. Передумала, значит. Я спросил ее тихо, хочет ли она соку, но она отмахнулась от меня. Было немного обидно. Я представил, что я не я, а муха. Стал внимательно следить за фильмом. Трубы у них были источником жизни, что-то вроде кормушки, были бы они птицами. Тепла на всех не хватало. И вот двое объединились против третьего и не допускали того к трубе. А он мерз, пальцы в ботинках жалили его, и он перетапывался, перетапывался – и расплакался. А они ему: «Ступай! Кыш! Прочь!» И палкой грозятся.

– Там верная смерть, братцы, – начал третий.

И не видно было фона. Весь фильм как спектакль был. Метр от трубы ступи – и пурга, белым и серым метет.

– Как хотите, – говорит третий, – можете убить. Лучше такая смерть, чем заживо застыть. Только знайте, Бог метель не накажет, а вас накажет.

Дальше нам показали, как двое забили несчастного и как тот скулил. Марина отвернулась и уткнулась лицом мне в плечо. Как страус. Но только в плечо.

Затем у оставшихся двоих назрел конфликт. Не захотели они вместе зябнуть. Каждый думал, как остаться одному, но в тепле, чтобы всё ему одному досталось. Говорили долго и много. Третий в ногах у них лежал, покрывался снегом.

И Марина вдруг пихнула меня:

– Смуглый выживет, – говорит, – с бородой который. Он самый беспринципный, он-то и выживет.

Так, наверное, все подумали. Не первый это фильм, где выживает худший. Но режиссер удивил. Второй мужик, без бороды который, вдруг неожиданно проломил висок первому, пока тот ему что-то такое хитрое говорил. Хруст был правдоподобным. Марина вскрикнула, поджала ноги и обхватила колени. Мне очень нравятся ее белые ноги. Они крепкие и большие. Здоровые очень.

– Не угадала, – ласково сказал ей, а она в ответ подразнила меня языком.

Фильм почти что кончился. Вывод был один, то есть два. Первый – выжила темная лошадка, самый человечный и рассудительный. Он и не размазня был, как третий, и не проходимец, как первый. Перед самыми титрами мы собрались было идти, чтобы обойти очередь, но вдруг ожил третий, а за ним и первый, из-за чего второй в отчаянье обхватил голову и закричал. Вот и второй вывод, но он тоже делится на два подвывода.

Борис Лейбов родился в 1983 году в Москве. Окончил Высшие кинематографические сценарные курсы (мастерская Олега Дормана и Ларисы Голубкиной). Изучал социологию в университете Глазго. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «Иерусалимский журнал». Финалист премии им. М. Алданова. Лауреат конкурса Stars Up и Второго международного конкурса «Новый взгляд» за сценарий короткометражного фильма «Бабушка». Автор романов «Лилиенблюм» и «Дорогобуж», сборника «В высокой траве». Живет в Тель-Авиве. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Не сестра Майкла» (2023, №1-2).

Первый – будет вторая серия.

Второй – фильм снимали в последние несколько месяцев. Он современный и уже показывает нам, как мы живем. Все эти убийства теперь в прошлом. Больше так просто от человека не избавиться.

Я провожал Марину до дома. Было холодно, но не так, как в фильме. Купил ей жареных каштанов на улице – она попросила. Хорошо поговорили. Марина говорит честно, мне это нравится. Она объяснила, что сегодня я иду к себе, так как еще не прилично, а вот, может быть, в следующий раз пойдем к ней. У самого ее подъезда случилось с нами радостное происшествие. На Марину бросилась ее подруга, и они друг друга обнимали, целовали и трясли. Оказалось, это Маринина соседка по комнате и подруга детства. Ее нашли замерзшей перед Новым годом, в другом дворе. Заблудилась после дискотеки. Но вот вышло – вернулась. Бывает и такое! Никогда не знаешь, кого вернут. А Марина, радостная, прослезившаяся от смеха, с милым замерзшим носиком, шепнула мне на прощанье: «Теперь будет сложнее, с соседкой-то, но мы что-нибудь придумаем».

Домой я шел полностью счастливым. Шел и пинал перед собой круглую ледышку.

Каперсы

Каперсы, каперсы, ой да не испортят трапезы.
народ

В средний день я режу шестьдесят салатов. Бывает меньше. Даже двадцать однажды было. И тогда лицо хозяина злое, и злится как будто на меня, а я хоть и понимаю, что не виноват, все же засматриваюсь на прохожих с умоляющим взглядом – «зайди, закажи и помилуй». Но таких плохих дней мало. В основном только зимой. Если день зимний, дождливый, да еще и первый на неделе – жди затишья. В такие дни парень, жарящий мясо, работает куда больше моего. Люди мерзнут. Они не хотят рваный козий сыр, шарики которого я достаю из контейнера со льдом. Они хотят горячей говядины. Вина красного. А кто победней – макарон.

– Фетучини аль денте, – поправляет меня хозяин каждый раз, когда я говорю «макаронны».

Еще он не разрешает называть мороженое мороженым, а выпячивает нижнюю губу, тянет: «Джела-а-ато», – и велит повторить. Я повторяю, и он хохочет, и парень, который работает у плиты, тоже хохочет. Этот парень, Эдик, он рассказывает нашим посетителям, что я итальянец, вернее неаполитанец. Эмиль, хозяин, говорит то же самое. А я не могу вспомнить, откуда я или нет, но мне сказали, что там порт и чайки и что там тепло, как у нас, и мне нравится быть оттуда.

– Так ты из Неаполя, парень? – спрашивает меня посетитель.

Я выношу салат, ставлю перед ним и, счастливый, говорю ему:

– Си, сеньор.

А Эмиль и Эдик хохочут, да так заразительно, что я смеюсь тоже.

К салату я привык не сразу. Поначалу путался. И тогда Эмиль приклеил перед моей доской рецепт:

- 2 больших помидора – на 16 долек;
- 3 помидора «черри» – на 6 долек;
- 1 огурец – порубить мелко;
- 5 оливок (проверить, чтоб без косточек);
- 3 каперса – 6 долек;
- ½ луковицы – порезать мелко;
- пучок базилика – порезать мелко;
- щепотка соли;
- щепотка перца;

- рюмка оливкового масла;
- полрюмки винного уксуса;
- шарик сыра – порвать на 8 кусочков.

Точно не помню, сколько я уже здесь. Но нужную скорость я набрал только недавно. Эмиль хвалит. Говорит: «Ты как музыкант, парень, уже не смотришь на клавиши». Клавишами он называет овощи. Я не с первого раза понял и даже огляделся в поисках инструмента в первый раз. Потом понял и сказал – «спасибо».

Шесть дней я провожу на кухне. Сегодня первый на этой неделе. Но сегодня солнечно и люди идут. Идут, идут. А я режу. И если меня о чем-то спрашивают, говорю: «си, синьор» или «си, синьора».

Дольше всего я боролся с каперсами. Я и сейчас с ними тяну, но не потому, что неловок, как вначале, нет, а потому что, бывает, остановлюсь и люблюсь ими. Вот отсек хвостик. Смахнул его в мусорку. И вот разрезал каперс вдоль. Он вот-вот развалится на две части, и я гадаю, желтым будут семечки внутри или красноватыми. Я предпочитаю красноватые. Самые мои нелюбимые – черные. Я однажды смахнул в мусорку дольки с черными семечками, а Эмиль заметил. Он, безрежливый и вспылчивый, спросил:

– А тебе там мозги совсем прочистили?

А я развел руками.

– Чтобы такого не было, понял?

– Понял, – сказал я.

Я разглядываю их теперь, когда он не смотрит на меня. Жду, когда уходит к плите поучить чему-нибудь Эдика. Они дружат и, бывает, подолгу болтают. Я успеваю попредставлять, что вспорол не каперс, а какую-нибудь подводную лодку, полную людей-семечек, и они тоненько пищат – благодарят меня, что я их спас от удушья.

С днягами я путаюсь. И не могу их посчитать. Эдик как-то сказал:

– А ты считай всё в каперсах.

А Эмиль дал ему подзатыльник, но не злой, а родительский. А совет был хорошим, в каперсах я запоминаю лучше. В банке их пятьдесят. Я стучу рукояткой ножа по крышке, она щелкает, и я скручиваю ее. Сливаю сок. И вываливаю их на доску. Так я делаю по утрам заготовки, чтобы не тратить время, когда посетителей много, чтобы не злить их, ведь когда они голодные, они немножко злые и говорят резкими голосами, не то что сытые. Сытый голос мне слушать приятней. Я отрезаю пятьдесят хвостиков. Эмиль как-то сказал:

– На зеленые сперматозоиды похожи, – и ухмыльнулся.

Я согласился, чтобы ему было приятно. Хвостики выбрасываю и принимаюсь за тела. В коробочку я сыпаю сто половинок. Этого хватит на шестнадцать салатов. Останется четыре дольки. Я нарежу еще пятьдесят, и в контейнере их станет сто четыре. Этого хватит на семнадцать салатов. И так далее. В хорошей день я использую не меньше трех банок. Пустые банки я складываю в коробку «стекло». Когда она заполняется, Эмиль меняет ее на деньги, и я начинаю наполнять ее снова. Мне нравится, как проходит жизнь. Я запомнил, что в месяц зарабатываю девяносто банок, или четыре тысячи пятьсот каперсов.

– Столько ты стоишь, – говорит Эмиль.

– А сколько стейков стоит Эдик? – спросил я Эмиля, и они хохотали так долго, что Эдик сполз по стене и стучал рукой по полу.

Здорово, что я их рассмешил. В квартире над нашим рестораном я снимаю комнату. Квартира эта принадлежит родственнице Эмиля, и он рассказывает мне, что однажды помог мне с этой комнатой, когда забрал меня из центра.

– Из какого центра? – спрашиваю я.

– Да неважно. Не беспокойся, парень. О'кей?

– О'кей, – говорю я.

После оплаты комнаты у меня остается денег на тридцать банок, то есть на полторы тысячи каперсов. Так я посчитал, что моя комната стоит три тысячи каперсов, или триста каперсов за метр. То есть каждый метр ест по десятку каперсов в день. И у меня нет по этому поводу мыслей. Посчитал, и все. У меня есть кровать, шкаф, два стула и окно. Общей кухней я не пользуюсь, зачем мне готовить дома, когда я готовлю себе в ресторане. В средний день я ем по два салата. Если хорошо подумать, то получается, что я прибавляю в себя по шесть каперсов в день, а это сто пятьдесят три капера в месяц (я вычел четыре выходных при расчете), а это целых три банки. Выходит, зарабатываю я не девяносто, а девяносто три банки, и еще три капера сверху. Об этом я Эмилию не говорю. Мне кажется, я хитрее, чем он думает. Эдик как-то сказал мне, что хотя бы раз в неделю я должен куда-то ходить, ну и есть где-то еще, а когда я спросил: «Зачем?», он сказал: «Ну чтобы чувствовать себя живым». – «Хорошо», – ответил я и стал в свой выходной гулять по улице до сквера. В сквере я сижу какое-то время, дышу глубоко и шурю. Затем иду есть в кафе, чтобы чувствовать себя живым. Я заказываю салат, как наш, и ем его, и чувствую себя живым, и еще думаю, что каперы их хуже наших. Они другой фирмы. Наверное, из банки без красной этикетки. Затем я иду домой, ложусь и отдыхаю. Я лежу и лежу. И мне нравится, как не устают мое тело, как когда я целый день стою. Мне хорошо жить в маленькой комнате. Это как жить в тощем теле. Удобно. Меньше хлопот. И ухода меньше. Таких выходных у меня четыре, и на них я трачу двадцать банок, по пять банок за выходной. Я бы мог и обойтись без этих трат, но Эдик прав – надо чувствовать себя живым. По моим подсчетам, после оплаты жилья и четырех выходных должно оставаться десять банок. Мне бы их откладывать («Так все поступают», – Эдик говорит), но я никак не могу подсчитать, куда они деваются. То пару банок за свет отдам. То подошва отойдет. То прачечная. То зуб ремонтировал. То еще что-то. Или чего еще другое. И откладывать не приходится. Это печалит. Но я стараюсь не думать об этом, и мне удается.

Хорошо же все, – лежу я в выходной и думаю. Одно тяготит. Бывает, вдруг захочется женщину, и сил нет терпеть. Хочется и все. Страшнее голода. Хуже усталости в ногах. Скрючит всего. И хочется лежать дальше и думать, как все хорошо, а нет, не получается. Только и мерещатся женщины без одежды. И я мечтаю, как посетительницы приходят к нам без штанов. Как ходят с голыми ногами и заказывают еду как ни в чем не бывало. Однажды я не выдержал, вышел из комнаты, зашел в комнату Эмилевой родственницы, она чем-то больна, но я тем ни менее попросил ее снять штаны. Вскоре прибежал Эмиль. Принес анисовой водки. Я выпил два раза и успокоился.

– Так нельзя, парень, понимаешь? Для этого дела есть специальное место, о'кей?

– О'кей.

И на следующий выходной я вместо кафе отправился в специальное место.

Специальным местом оказался бордель в порту. Там продавали холодненьких. Это намного дешевле, чем когда продают обычных, но Эдик сказал, что разницы не почувствуешь. «Живая, не живая, промеж ног одно и то же». Я еще удивился, что тот, кто научил меня чувствовать себя живым в кафе, считает не важным, к живой он приходит женщине или к мертвой. Час обойдется в десять банок. Я пересчитал цены из меню на входе и ушел копить. Три выходных подряд я лежал и мечтал и никуда не ходил – ел на кухне. Обеды Эмилевой сестры выходили в два раза дешевле, чем салат в кафе. А я и не переживал. Даже приятно было пить суп. Пить и не жевать.

Скопив десять банок, я вечером, после смены, отправился напрямик в порт. Резал я в последнее время неточно и дважды порезался, а все потому, что перестал представлять спасенных каперсовских человечков, а думал только о раздетой женщине.

Она зашла в номер после меня, и он перестал казаться пустым. Руки холодные, плечи, как мне показалось, голубоватые.

– У тебя сильные руки, – сказала она и под села ко мне.

– А у тебя холодные, – ответил я и отсел.

Я догадывался, что сейчас буду делать, но не знал, с чего начать. И я решил для начала рассказать ей о себе.

– Знаешь, отчего я умерла? – перебила она меня.

Ей не было интересно – это я понял.

– Не знаю, – ответил я, а надо было спросить отчего.

– Я попала в аварию, смотри! – и она разделась, показывая множественные швы на боку. – Смотри еще, – сказала она и сняла штаны.

– Красивая! – сказал я и только тогда понял, что ничего не хочу, вернее хочу, но другого. Я захотел вернуться в свою комнату, и чтобы не было никого. Просто попасть туда и больше ни ходить никуда – ни в бордель, ни в кафе. Зачем мне это все? Я себя очень живым чувствую и когда лежу, и когда думаю о том, что ноги не болят. Перетерплю. Выпью лучше анисовой водки.

– Да мертвый здесь ты! – расхохоталась она. Она смеялась и не могла остановиться.

А я огляделся в поисках шляпы и, сообразив, что никакой шляпы у меня нет и не было, выбежал вон.

Сон новобранца

Ближневосточная ночь ясна. Звезды. Еще звезды. Яркий месяц сидит высоко над своей земной поделкой. Минарет нем. Глухо работает мотор грузовика. Под брезентом в кузове молчат люди – и покачиваются, как покачиваются ивы в тех странах, где бегут реки. Совсем скоро проклюнется солнце. Рядовой не спит, и не спит его старшина, сержант Соловей. Страшно солдату, первый раз на мертвеца едет.

– Они безобидные, – говорит сержант, и растянутый в улыбке рот показывает рядовому стройную шеренгу выносивших зубов.

Улыбка не сходит. Белки его и зубы светлеют. Так ночь лениво рассеивается над машиной.

– Ок? – спрашивает сержант.

– Ок, – кивает рядовой.

Но ему не «Ок». Ему далеко не «Ок». Ему страшно. Он молит ночь задержаться. Он ничего такого еще не видел. Не видел, как кричит в родах женщина. Не видел, как плачет от боли ребенок. Не видел, как смотрит перед собой скотина перед забоем. Не видел еще, как восстают мертвецы. На базе должны были показать фильм-инструкцию, но файл долго не подгружался, и командование раздало новобранцам халву, миндаль и кофе с кардамоном, сваренный в походной кастрюле. «Да в принципе все то же самое, только не страшно и без лохмотьев», – обратился к ребятам начальник части после демонстрации «Зловещих мертвецов» и «Зловещих мертвецов – 2». Солдаты смеялись, фляжки с анисовой водкой гуляли под стульями, до первого задания было еще полно времени.

Грузовик встал. Накренился слегка вперед и встал окончательно. Солдаты спешно бросались вон из-под тента по одному, как арбузные семечки из узкого рта. Холмы розовели. Ребята сгрудились у кладбищенских ворот.

– Ну? – оглядел свой отряд старшина. – Приготовиться!

Солдаты слаженно сбрасывали автоматы с ремней, заряжали обоймы, шелкали затворами. Новобранец встал на колено и завозился с оружием. Лоб его намок. Пот заблестел. «Еще немного и утро», – поглядел вверх сержант.

– Рассредоточиться по семейным и склепам! – скомандовал он, и десяток бойцов заскользили по кладбищенским проходам, взбивая песчаную пыль.

– Дай сюда, – старшина забрал оружие, перезарядил, проверил, прицелился в сторону скрытого холмом города и вернул бойцу.

– За мной! – скомандовал он, и двое, пробежав под кованой аркой входа, расположились над двумя надгробными плитами с гравировкой золоченными буквами.

Рядовой часто и жадно дышал. Закономерная кладбищенская тишина сковала ноги, и те как будто срослись с почвой. Ребята стояли памятниками, целившимися в землю. Стеклышко очков

новобранца всполохнуло. Свет розовой волной пробежал над некрополем, разгоняя молочную бледность сумерек. Из города, который они так недавно оставили, понесся призыв:

– Спешите на молитву, спешите на молитву! Спешите к спасению, спешите к спасению...

– Это нежить, – сержант толкнул новобранца, и тот как будто очнулся и приветливо закивал.

– Ну, парни, – заорал старший, когда минарет смолк, – всё как на стрельбище!

Земля колыхнулась. Раз, другой. «Как землетрясение», – подумал новобранец и направил дуло в поднимающуюся горку рыхлой земли.

– А!? – крикнул из-за плеча сержант. – Какова?

Из-под песка появилась девочка лет десяти в черном платье с бантами на плечиках. Она поднималась на синих руках и уже потянула было на поверхность ногу, когда над ее головой полоснула сабля сержанта, и румяное от солнца лезвие ухнуло, снося треть ее головы. Левый глаз поднялся на новобранца, распахнулся-запахнулся, и тельце завалилось, брызгая черной кровью под сапоги.

– А ты кого ждал? – сержант убрал саблю в ножны. – Крота размером с собаку? Это первая, – подмигнул он юнцу, – началось!

Он осмотрел повсеместное беспокойство под надгробиями и что было мочи проорал:

– Запевай!

Со всех сторон разом солдаты затагнули боевую. Запели в голос, без фальши, никого не стесняясь, ведь когда держишь оружие, стесняться тебе нечего.

– Джаст лайк, хиз вайф...

Затрещала первая очередь.

– Бат хау ши воз бифор зе тиарз...

Под новобранцем появилась новая голова – мужская, лысая, она вытолкнула ноженьки предшественницы, в чулочках и сандаликах. Мальчик не зевал, он расстрелял голову в упор. Две пули угодили в разинутый рот, и голова провалилась под землю.

– Энд хау ши воз бефор зе йеарз флю бай...

Бой шел и у входа, за спиной солдата. Повалился огромный парень. Визг срикошетившей от гранитной тумбы пули разлетелся вверх могильников. Новобранец поспешил на выручку. Раненого бойца пытался обойти пожилой сутулый мужчина во фрачном костюме, но не сумел. Новичок расстрелял его в спину.

– Смени рожок, пацан, – сказал прыгающий на одной ноге великан, – и спасибо.

Он обернулся и нацелился в яму, из которой недавно выполз тот, кто сейчас уже лежал разорванной спиной к солнцу.

– Ши сайнд зе леттер... – над кладбищем взымалась песня, готовая к припеву, как шашка, возвращающая смерть мертвецу.

– Ши сайнд зе леттер...

Сержант взобрался на мраморную колонну, исписанную разными именами и одной повторяющийся фамилией.

– Ол йорз, бабушка, бабушка, бабушка, йай, йай...

Оружие плевалось пулями. Вставали в рост фигуры, вскидывали руки и падали ниц. С треском подломилась ветка на сухом дубе.

– Ол йорз, бабушка, бабушка, бабушка, йай, йай...

Новобранец выбил прикладом челюсть тощему, болезненному юноше с тонким носом. Тот покорно опустил на колени и стал рассеяно собирать зубы, как увлеченный ребенок собирает ракушки.

– Добивай, – проорал Соловей откуда-то сверху.

Рядовой казнил беззубого единым выстрелом в лицо и в испуге отшвырнул автомат, как отшвыривает мертвого щенка волчица.

– Победа! – сержант огляделся и махнул в сторону выхода.

Старшина отряхивал от песка колено. Раненый великан сидел, вытянув перебинтованную ногу. Грузовик подпрыгнул, и он застонал. Кто-то спросил: «Интересно, а когда они уже перестанут лезть? А то чертов тир какой-то». Сержант подумал и разулыбался. Он понял, что представился случай развеселить бойцов.

– Сколько надо, столько и будут лезть. Грибы не один день вылезают, и прыщи на твоей жопе тоже.

Смех разбежался по лавкам. Хохотал и раненый. Хохотал и одновременно морщился от боли. Даже новичок разразился отрывистым нервным смехом.

К восьми утра воздух нагрелся, и мокрые пятна пошли по зеленым формам ребят. Грузовики съезжались со всех городских кладбищ.

– Погоди, – сержант взял новобранца за плечо. – Ты молодец! Так держать! Понял?

– Так точно! – парень испуганно улыбнулся.

«А ведь это только начало», – думал он.

Стрелков не утруждали зарядкой и бегом и распустили до полудня. Рядовой дошел до своей кровати, оглянулся, послушал тишину и только тогда вытянул из наволочки фотографию дерева, склонившегося над рекой. Он прошептал «прости Господи» трижды, поцеловал поле за речкой в верхней части карточки и спрятал ее.

– Теперь спать, – скомандовал сам себе и лег поверх покрывала. Спихнул сапогом сапог и быстро уснул. И во сне задышал ровно и глубоко.